

Пол, Справедливость.

С о к р а т. Значит, тот, кого карают, страдает по справедливости, неся свое наказание?

Пол. Видимо, так.

С о к р а т. Но мы, кажется, согласились с тобою, что все справедливое — прекрасно?

Пол, Да, конечно.

С о к р а т. Стало быть, один из них совершает прекрасное действие, а другой испытывает на себе – тот, кого наказывают.

Пол. Да.

С о к р а т. А раз прекрасное – значит, и благое? Ведь прекрасное либо приятно, либо полезно.

Пол. Непременно.

С о к р а т. Стало быть, наказание — благо для того, кто его несет.

Пол. Похоже, что так" (1, 298).

Спор резюмируется следующим образом:

" С о к р а т. На чем же, друг мой, мы с тобой разошлись? Ты утверждал, что Архелай счастлив, хотя и совершает величайшие несправедливости, оставаясь при этом совершенно безнаказанным, я же говорил, что, наоборот, будь то Архелай или любой другой из людей, если он совершит несправедливость, а наказания не понесет, он самый несчастный человек на свете и что во всех случаях, кто чинит несправедливость, несчастнее того, кто ее терпит и кто остается безнаказанным – несчастнее несущего свое наказание? Так я говорил?

Пол. Да.

С о к р а т. И теперь уж доказано, что говорил правильно?

Пол. По-видимому" (1, 303).

Присутствовавший при этом напряженном диалоге Калликл обратился к Сократу со следующими многозначительными словами: "Скажи мне, Сократ, как нам считать – всерьез ты теперь говоришь или шутишь? Ведь если ты серьезен и все это правда, разве не оказалось бы, что человеческая наша жизнь перевернута вверх дном и что мы во всем поступаем не как надо, а наоборот?" (1, 305). Калликл очень точно обнажает социально-критическую нацеленность философской любознательности Сократа: доказывая, что афиняне не так думают, он доказывает, что они не так живут.

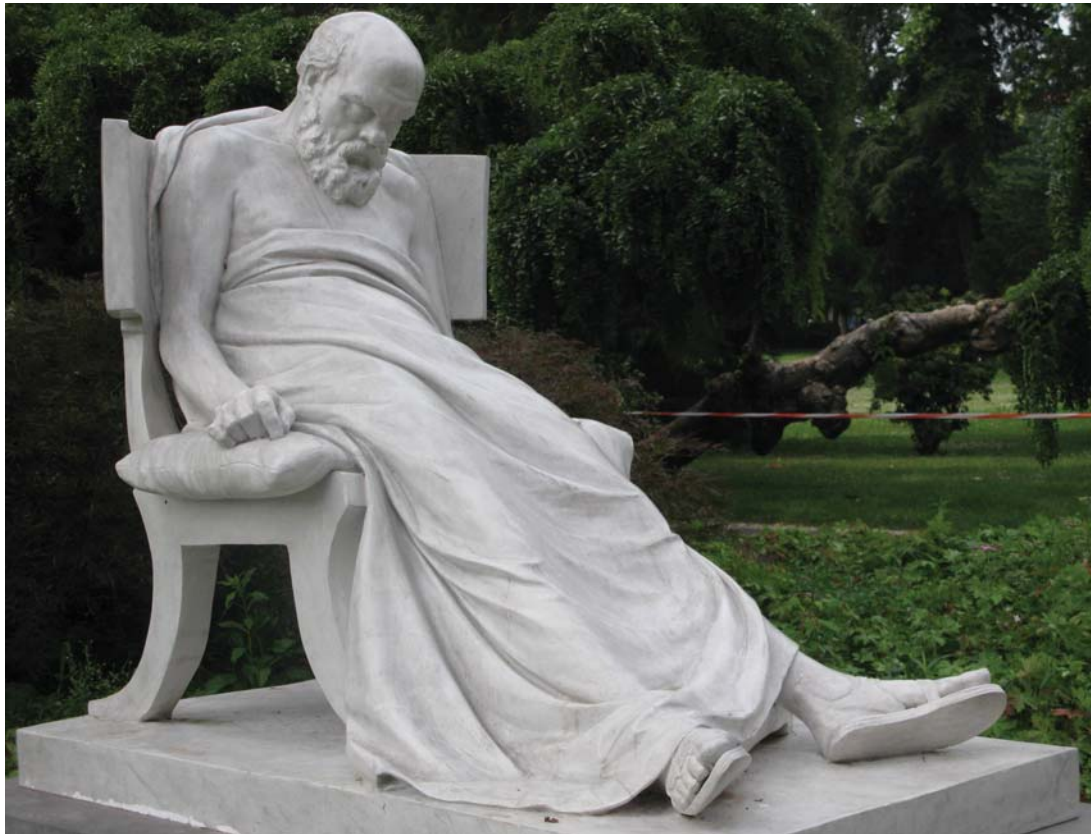
Кто не добродетелен, тот и не мудр

По Сократу, добродетельная жизнь неразрывно соединена со знанием добродетели. Обладает ли, однако, он сам таким знанием? Нет, не обладает. Более того, Сократ открыто прокламирует свое незнание и с этим связывает приписываемую ему мудрость.

Пророчица дельфийского храма в ответ на вопрос одного из друзей и последователей Сократа о том, кто является самым мудрым человеком, назвала Сократа. Сократ в силу своей благочестивости не мог проигнорировать это пророчество и в силу неподдельной скромности не мог принять его буквально. Он решил расшифровать скрытый смысл пророчества. Он обнаружил, что люди, которых молва считает мудрыми, на самом деле таковыми не являются. Они, эти патентованные мудрецы, или ничего не знают, или знают очень мало. В этом отношении они ничем не отличаются от него, Сократа. Но между ними есть одно различие: люди, слышущие за мудрецов, обычно важничают, делают вид, будто они что-то знают, Сократ же не делает вида, а открыто признает, что он не знает. По-видимому, как считает сам Сократ, за это – за то, что он знает, что ничего не знает, – Аполлон и прозвал его самым мудрым из людей. В самом деле, именно в этом тезисе Сократа сосредоточена его мудрость, его этико-нормативная программа.

Прежде всего следует отметить, что идеал знающего незнания прямо вытекает из сведения добродетели к знанию. Если добродетель есть знание и кто-то объявляет себя знающим, то он тем самым провозглашает себя добродетельным, а саму добродетель считает осуществленной. Ведь знать добродетель и быть добродетельным – это, по Сократу, одно и то же. Основным критерий, позволяющий судить, владеют ли люди знанием добродетели или нет, состоит в том, какую жизнь они ведут – добродетельную или порочную. Человеческая добродетель есть человеческое совершенство, таково точное содержание этого термина у Сократа. А осуществленное совершенство есть совершенная бессмыслица, такая же, например, как сосчитанная бесконечность. А если же учесть, что добродетельные люди по сократовским канонам являются одновременно людьми счастливыми ("людей достойных и честных — и мужчин и женщин – я зову счастливыми" — 1, 289), то вопрос о человеческом знании и мудрости становится проблематичным. Поэтому Сократ в силу одной только логики, не говоря уже о личной скромности и социальной наблюдательности, вынужден утверждать, что "он знает только то, что ничего не знает"²¹.

²¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. С. 103.

(094) Антокольский М.. Мертвый Сократ.

Хотя "человеческая мудрость стоит немного или вовсе даже ничего", а по-настоящему "мудрым-то оказывается бог" (1, 90), тем не менее трезвое осознание этого факта открывает оптимистическую перспективу бесконечного нравственного совершенствования личности. Когда я знаю, что ничего не знаю, и при этом знаю также, что от знания добродетели зависит добродетельность жизни, то у меня есть направление и пространство правильного поиска. Ясное знание своего незнания должно побуждать человека искать — искать нравственную истину. Знающее незнание Сократа есть призыв и требование постоянно думать над тем, правильно ли мы живем, есть философски обоснованное предостережение против самодовольства и успокоенности. Сократ говорит о себе: "Мною же как будто владеет какая-то роковая сила, так как я вечно блуждаю и не нахожу выхода" (1, 185). Он не находит выхода, но он ищет его. И, самое главное, он знает, что именно он должен искать этот выход. Назначение "роковой силы" и состоит в том, чтобы побуждать к поиску самого Сократа. Эта сила является "роковой" только в том смысле, что она внутренне необратима, но не в том смысле, что она выступает как неподвластный индивиду рок. Расшифровывая ее природу, Сократ говорит о некоем

человеке, который постоянно его посещает: "он чрезвычайно близок мне по рождению и живет в одном доме со мной" (1, 185), – рассказывает Сократ о нем собеседнику. Речь идет о внутреннем человеке, о втором, подлинном я, который не позволяет ему растворяться во внешних формах бытия, ввергает в ситуацию постоянного спора с самим собой постоянного самопреодоления. Здесь мы подходим к важнейшей особенности этического мировоззрения Сократа.

Этика Сократа есть этика индивидуальной личностной ответственности. Она выражает ту стадию личностного развития, когда индивид возвышает себя до уровня субъекта нравственно-ответственного поведения. Личность берет на себя бремя ответственности и вины за свое человеческое развитие. Известный исследователь античности В.Йегер пишет: "Сократ – последний гражданин в смысле древней полисной Греции. Он же одновременно является воплощением и высшей точкой новой формы духовно-нравственной индивидуальности"²². Сократовский образец личности возвещает переход человека и общества к духовно-нравственной стадии развития. Сократ, во-первых, выделяет в структуре жизнедеятельности человека тот пласт, который полностью зависит от него самого и составляет пространство ответственного действия (именно таким пластом являются знания, суждения разума), и, во-вторых, рассматривает его в качестве решающей основы человеческой добродетельности.

Блага или цели человека, придающие конкретность его жизнедеятельности, Сократ подразделяет на внешние, телесные и душевные. Из них полностью от самого человека зависят только душевные блага, и они в той мере, в какой опосредуются рациональным знанием. Действие только тогда является ответственным, когда индивид отдает себе ясный отчет в его содержании и последствиях и принимает его в этом качестве. Тогда, когда индивид действует с открытыми глазами, когда он знает, что делает. Ответственное действие человека есть действие, за которое человек может и обязан отвечать, потому что оно полностью зависело от него.

Основной сформулированный еще Аристотелем упрек против этического интеллектуализма Сократа состоит в том, что он отождествляет добродетель с разумной частью души, игнорируя тем самым ее неразумную часть. Сам этот упрек нельзя признать безупречным. Сократ, конечно же, понимал, что душа содержит в себе некое иррациональное начало (к примеру, он отмечает, что поэты, подобно прорицателям и гадалкам, творят в некотором исступлении, не зная того, о чем они говорят, – см. 1, 89). Но оно не интересовало его. В иррациональной, неразумной своей части душа так же не подвластна человеку, как не подвластны ему и внешние обстоятельства его жизни. А

²² Jaeger W. Paideia. B. 2. Berlin, 1944. S. 128.

Сократ ищет такую совокупность действий, последнее и решающее слово по поводу которых принадлежало бы самому индивиду – это и есть действия, которые целиком зависят от знаний. Знания есть тот канал, через который человек осуществляет контроль над своим выбором. Они обозначают зону автономного, свободного и ответственного поведения. Тот, кто желает действительно опровергнуть Сократа, должен доказать, что существуют какие-то другие факторы, помимо знаний, которые позволяют человеку действовать ответственно, самому управлять своим поведением.

Не только добродетель конституирует себя в форме знания. Но и знание, разум имеют единственный достойный предмет — добродетель. Поэтому не может быть такого, чтобы человек был знающим, мудрым без того, чтобы он не был одновременно добродетельным, нравственным. Никто не может считать себя знающим, если он не знает, как стать добродетельным. А знает ли он, как стать добродетельным, или нет, удостоверяется только тем, практикует ли он добродетель или нет. Поэтому, когда Сократ говорит: "Я знаю, что я ничего не знаю", он фактически утверждает, что нет в мире ничего более важного, чем добродетель, и нет для разума другого предназначения, кроме как искать путь к добродетели. Не для того дан разум человеку, чтобы исследовать, что находится "в небесах и под землю" (1, 91), а для того, чтобы стать совершенным. Сократ считает, что необходимо "заботиться прежде и сильнее всего не о теле и не о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше" (1, 99).

Состояние человеческих нравов не позволяет никого считать мудрым. И сократовский идеал знающего незнания есть одновременно упрек, обращенный к афинянину, а через него и к каждому из нас: "Не стыдно ли тебе заботиться о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе и о почестях, а о разуме, об истине и о душе своей не заботиться и не помышлять, чтобы она была как можно лучше?" (1, 98).

Таким образом, тезисом "добродетель есть знание" Сократ определяет нравственность как пространство ответственного поведения индивида, а тезисом "я знаю, что ничего не знаю" возвышает ее до личностно формирующего фактора, более важного, чем власть, деньги, другие внешние и телесные блага.

ЭПИКУР: ЖИВИ НЕЗАМЕТНО

Противоречие между добродетелью и счастьем воспроизводится также в каждой из этих противоположностей в отдельности. Добродетель — не просто служение другим людям, а такое служение, за которое индивид не отдает отчета никому, кроме себя. Это — обязанности индивида перед самим собой за других людей. Так, нравственного человека,